

Источник: Муравина Е. Необходимость ответа / Е. Муравина // Юность. — 1978. — № 8. — С. 84–85.

Е. МУРАВИНА

НЕОБХОДИМОСТЬ ОТВЕТА

В книге В. Тендрякова «Граждане Города Солнца» — две уже давно известные читателю повести «Весенние перевертыши» и «Три мешка сорной пшеницы» и совсем недавняя — «Затмение», впервые появившаяся в 1977 году на страницах журнала «Дружба народов».

Повести В. Тендрякова легко сходятся под одну обложку. Их объединяет неизменная на протяжении уже многих лет авторская позиция: найти, нащупать болевую точку сегодняшнего дня и назвать ее. И вынести свою оценку, с которой мы, впрочем, можем и не согласиться. Но не задуматься над которой уже не можем.

Воспитанию нравственных основ личности посвящена вся повесть «Весенние перевертыши». Этот вопрос вряд ли когда-нибудь сойдет с повестки дня мыслящего и ищущего человечества.

Разве только мальчишки пионерского возраста оказываются в такой ситуации резкого осознания остроты взаимоотношений — себя и мира? Разве, вырастая, забывают они, как стояли в ночи под звездами на впервые ставшей маленькой земле и страдали не за себя только, а за все человечество? Разве научаются они потом жить под одним солнцем с саньками, пристрастившимися глушить лягушек, а при случае не стесняющимися и нож пустить в дело? Разве никогда больше не вспоминают они, как, «храня на лице мировую скорбь», вопрошали закадычного друга: «Скажи, для чего люди живут на свете?»

Проблематика повести «Три мешка сорной пшеницы» и того крепче увязана с современностью.

А «Затмение», новая повесть В. Тендрякова, посвящена на первый взгляд проблемам любви. Да и какие тут, собственно, могут быть сомнения? На это ведь и эпиграф намекает — из самого древнего любовного послания. И фабула вроде типично любовная: полюбил молодой человек девушку, и она его сначала полюбила и замуж за него вышла, а потом разлюбила и ушла к другому. Бывает. И в жизни бывает и в литературе. О любви, значит, повесть? Да, и о любви.

Но не новая страсть уводит героиню от мужа, а новая надежда: найти себе наконец место в жизни. И не жизненными благами, а пренебрежением к ним, не просто любовью, а любовью к миру соблазняет Майю Шканову Гоша Чугунов — удачливый соперник, новоявленный «спаситель» человечества.

Что ж, такой поворот для В. Тендрякова не неожиданность. Не в первый раз касается он «божественных» вопросов, напротив, весьма тщательно исследованы они в его творчестве последних лет.

Впервые писатель заговорил об этом в «Чудотворной», заговорил как о силе темной, косной, абсолютной лишенной духовного начала. Бабка Грачиха веры

не искала — она в ней выросла и всю жизнь прожила. Религия для нее — начало не возвышающее, а подавляющее, устрашающее, но привычное.

Тося Лубкова из повести «Чрезвычайное» обязана своей верой уже не привычке, а одиночеству и необходимости своей.

Но вот верит в бога учитель математики Морщинин из той же повести, умеющий в объяснение своей веры и теорию Лобачевского припомнить и рассказом о матери душу тронуть.

Это уже не наивная вера простых, немудрящих людей, это — явление гораздо более сложной духовной жизни. Но только увидел и назвал его здесь писатель — подробно исследованию взаимоотношений с идеей бога современного мыслящего сознания посвящена уже следующая повесть «Апостольская командировка».

Бог появляется как один из вариантов ответа на главный вопрос: для чего живем? В чем смысл жизни?

Вопрос этот не удалось однозначно решить человечеству за многие века. И решает каждый и за себя и за человечество.

И писатель В. Тендряков решает. Берег как оправдание и разрешение Древнего вопроса древний же и ответ, но в современных, весьма от прежних времен отличных условиях и проверяет последовательно, методично, от простого идя к сложному.

Жизненное кредо Павла Крохалева, от лица которого ведется повествование, определено еще в детстве, пусть интуитивно — потом оно стало осознанным. Это любовь, любовь в ее вполне конкретном воплощении — к женщине, к Единственной. Эпиграфом своей жизни Павел мог бы поставить пушкинское: «Вся жизнь моя была залогом свиданья верно-го с тобой».

Павел из всех персонажей повести наиболее деятелен, его любовь не абстрактна, он занят реальным делом, могущим принести реальную пользу. Его дело — биохимия, наука, достижения которой сказываются очень весомо и не в самом отдаленном будущем.

Нельзя обвинить Крохалева и в душевной ограниченности, узости. Но главное для Крохалева — любовь: «Считаю, что я, Павел Крохалев, родился 29 лет тому назад в деревне Полянка для того только, чтоб предельно проявить себя ради других, а значит, кого-то любить. И моя жизнь до сих пор не что иное, как длительный поиск — кого именно любить и через что? Блуждая среди людей, путаясь и ошибаясь, я в конце концов должен был встретиться с ней — Майей Шкановой».

Перед Гошей Чугуновым, исполняющим роль второго катета в любовном треугольнике повести, вопрос «зачем?» возник, судя по его рассказам, где-то на IV курсе института. Тогда Гоша понял: «...меня готовят к тому, чтобы я кому-то подчинялся и кого-то подчинял». Ни того, ни другого он делать не хотел.

В пору первого своего появления на страницах повести и в жизни Крохалева Гоша до совершенства отшлифовал свою негативную — не слишком оригинальную, кстати, — антимещанскую программу. Отсутствие позитивной части любое учение делает уязвимым, и без особого труда наголову разбивает своего — пока только идейного — противника Павла.

Но вот из дальних странствий Гоша возвращается не с пустыми руками — с новой идеей спасения и оправдания жизни человеческой (новой для него, но не для писателя) — с идеей бога. Это именно идея, как и в предыдущих случаях у Тендрякова, верой тут и не пахнет.

Какую живую душу можно поймать на голый крючок умозрительной теории Гоши Чугунова? Только душу, желающую быть пойманной. Душу, отчаявшуюся в безверии...

Рвется, мечется и не находит себе покоя на страницах повести Майя Шканова, неверная жена, сбегавшая с пьедестала богиня. Не одно, не два, а все множество найденных человечеством решений готова она примерить к своей жизни.

Дело? Но если нет ярко выраженных склонностей — того, что называют призванием, не обязательно придет увлеченность. Попыталась Майя поверить в свою профессию — учить детей — и загорелась и всю страстность (а чего-чего — страсти в этом характере с избытком) вложила в первую попытку. Неудача. И никто не помог. Не догадывались ее учителя, не хватило мудрости у любящего мужа.

Любовь? И за эту соломинку Майя хваталась. Разве не твердила она в азарте убежденности: «...я поверила, Паша, поверила! В невероятное, в то, что я женщина, жизнь воскрешающая и жизнь украшающая, младшая сестра тех, кто вдохновлял Гомеров... Мое призвание, Паша, — быть запалом, взрывающим силы... Мне выпало счастье поджигать тебя, тебе — взрываться!..»

Но что же Паша, обещавший взрываться, обещавший как минному перпетуум-мобиле изобрести, а сам и от собственной мечты поспешивший отказаться под скептическими взглядами своих сотрудников? Ведь он действительно предал ее, и, пожалуй, страшнее, чем даже Майе казалось. Он ведь и эту опору выбил у нее из-под ног.

Тяжело носить в душе ощущение значительности своего человеческого содержания и не находить ему применения.

И тут подоспел Гоша Чугунов, зовущий что-то делать. Что-то Делать — и не все ли равно сейчас Майе что, если есть хотя бы иллюзия творения людям блага, а значит — и не бессмысленности своего существования?

То, что случилось с Майей, — затмение. Но оно не проходит само по себе. Впереди нелегкие усилия любящих друг друга людей, поиски подлинности, истины.

О многом и о разном пишет В. Тендряков. О многом и о разном пускаются в спор его читатели — о проблемах молодой семьи и о том, как трудно пробиться друг к другу даже самым близким, любящим людям. Об оборачивающейся равнодушным деловитости и о тяге к добру и высокому, губящей тех, кто рядом. И о нравственной чистоте и смелости ученого — все это есть в его творчестве.

Из произведения в произведение, раз за разом предлагает он свои варианты ответа на извечный вопрос: как человеку жить?